

ВСЕЛЕННАЯ
ХОНОР ХАРРИНГТОН

КОСМИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ «ВАСИЛИСК»

ДЭВИД ВЕБЕР

Дэвид Марк Вебер
Космическая
станция «Василиск»
Серия «Нова Фикшн.
Лучшая зарубежная НФ»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74336311

Космическая станция «Василиск» / Дэвид Вебер; [перевод с английского

Селюковой Дарьи].: АСТ; Москва; 2026

ISBN 978-5-17-172151-0

Аннотация

Добро пожаловать во «Вселенную Хонор Харрингтон» – культовую сагу, определившую каноны современной космооперы!

В Королевском Флоте Мантикоры ее считали блестящим офицером. Но именно нестигаемая честь и преданность долгу стали для капитана Хонор Харрингтон причиной ссылки в самую глухую систему галактики – на космическую станцию «Василиск», место, откуда не возвращаются с почетом. Но там, где политики видели только бесчестье, Хонор обнаружила смертельную опасность, грозящую всему Звездному королевству Мантикора.

И когда враг покажет свое лицо, именно эта «безнадежная» станция и легкий крейсер «Бесстрашный» под командованием капитана Харрингтон станут последним рубежом обороны. А, как известно, даже один человек, верный своему долгу, способен изменить ход истории.

Содержание

Пролог	7
Глава 1	14
Глава 2	35
Глава 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Дэвид Вебер Космическая станция «Василиск»

Серия «Нова Фикшн. Лучшая зарубежная НФ. Дэвид Вебер»

David Weber
ON BASILISK STATION

Редакция благодарит *Вадима Покачалова* за помощь в подготовке данного издания

Иллюстрация на суперобложке – *Макс Олин*

Copyright © by David Weber, 1993

© Олин Макс, иллюстрация на суперобложке, 2026

© Селюкова Д. А., перевод на русский язык, 2026

Пролог

Старинные часы в конференц-зале оглушительно тикали в полной тишине. Наследный президент Хейвенской Народной Республики молчал, пристально глядя на военный совет. Министр финансов не выдержал и отвернулся, министр обороны и ее подчиненные, затянутые в военную форму, смотрели в ответ почти с вызовом.

– Вы что, серьезно? – спросил президент Харрис.

– Боюсь, что так, – безрадостно ответил секретарь Фрэнкель, пошуршал датачипами и наконец заставил себя взглянуть президенту в глаза. – Данные по последним трем кварталам подтверждают прогноз, Сид. – Он покосился на свою коллегу в форме. – Это ведь бюджет флота, мы не можем просто добавлять и добавлять корабли без...

– Но если мы не продолжим их добавлять, – резко перебила Элейн Дюмарест, – все посыпется. Мы пытаемся удержаться на спине неотигра, мистер президент. Треть занятых нами планет все еще заражена ячейками чокнутых экстремистов-«освободителей», у наших границ вооруженные до зубов соседи. Когда они решат напасть – вопрос времени.

– Вы преувеличиваете, Элейн, – вмешался Рональд Бергрэн, министр иностранных дел, хмуро потирая тонкие усики. – Разумеется, наши соседи вооружаются, я на их месте поступил бы так же. Но никому из них не хватит сил нас раз-

бить.

– Сейчас не хватит, – бесстрастно согласился адмирал Парнелл. – Но если начнутся полномасштабные восстания или что-то иное свяжет нам руки, кто-нибудь из них не удержится и попытает счастья. Поэтому нам нужно больше кораблей. И, со всем уважением к мистеру Фрэнкелю, – добавил начальник военно-морских операций безо всякого уважения, – бюджет опустошает не флот, а увеличение Безусловного базового пособия. Нам придется сказать долистам, что наш кошелек не бездонный и они будут вынуждены умерить аппетиты, пока мы не встанем на ноги. Вот бы хоть на пару лет сбросить с шеи этих бесполезных трутней...

– Прекрасная идея! – огрызнулся Фрэнкель. – Только увеличение ББП сдерживает эти толпы! Они поддерживают войны, чтобы сохранить свой образ жизни, и если мы не...

– Хватит! – Президент Харрис треснул ладонью по столу. Повисло удивленное молчание. Он выдержал паузу, откинулся в кресле и вздохнул. – Мы ничего не добьемся, бросаясь обвинениями, – мягко сказал он наконец. – Давайте признаем: план Дюкена не дал ответов, на которые мы надеялись.

– Позвольте не согласиться, мистер президент, – отозвалась Дюмарест. – В основе своей это рабочий план, к тому же выбора у нас нет. Проблема в том, что мы не смогли добиться доходов, которые покрыли бы этот уровень расходов.

– Говоря о доходах, – угрюмо добавил Фрэнкель, – нельзя

забывать, что экономики наших планет не бездонные, а без дополнительных вливаний мы не сможем втиснуть в бюджет расходы и на ББВ, и на оборону.

– Сколько мы еще продержимся? – спросил Харрис.

– Точно сказать не могу. Еще некоторое время у меня получится замазывать трещины, грабить Петра, чтобы заплатить Павлу, и все такое прочее, но, если мы не урежем затраты или не найдем новый источник дохода, все развалится. Чем дольше мы тянем, тем хуже будет. – Он невесело улыбнулся. – Жаль, что присоединенные системы в таком же плачевном экономическом положении.

– Элейн, вы уверены, что мы не сможем сократить флотские расходы?

– Слишком велик риск, мистер президент. Адмирал Парнелл совершенно прав: стоит пошатнуться, как соседи обратятся против нас. – Пришла ее очередь мрачно улыбаться. – Они оказались способными учениками.

– Может, и так, – согласился Парнелл, – но выход есть.

Все взгляды обратились к нему. Он дернул плечом.

– Напасть первыми. Если высушим их военные ресурсы, сможем потом встать на позицию миротворцев.

– Господи, адмирал! – Бергрэн фыркнул. – Загадочный же у военных разум! Сперва доказываете, что мы не можем поддерживать обычный уровень жизни, не разорившись, а теперь предлагаете ввязаться в новые войны?

– Подождите, Рон, – пробормотал Харрис и подался к ад-

миралу. – Эймос, вы действительно сможете это проверить?

– Так я думаю, – ответил Парнелл, на этот раз более осторожно. – Проблема во времени.

Он нажал на кнопку, и над столом засветилась голографическая карта. Раздувшаяся сфера Народной Республики заполняла ее северо-восточный квадрант. Адмирал указал на россыпь красных и золотистых звездных систем на юге и западе. – Мультисистемных сил ближе, чем Андерманская империя, не наблюдается. С моносистемными государствами проблем не будет: их мы разобьем одной тактической группой, никакие программы вооружения их не спасут. Опасными они станут, если объединятся.

Харрис задумчиво кивнул, коснулся голографической бусины, мерцающей угрожающим кроваво-красным светом.

– А что Мантикора?

– Она – джокер в этой колоде, – согласился Парнелл. – Достаточно велика, чтобы дать нам отпор. Если пороху хватит.

– Так, может быть, не стоит ее трогать? Или в крайнем случае оставить напоследок, – заметил Бергрэн. – Ее политические партии разобщены, не могут решить, что с нами делать... Почему бы сперва не сосредоточиться на целях поменьше?

– Тогда до нее мы доберемся уже не в лучшей форме, – возразил Фрэнкель. Он нажал на свою кнопку, и две трети золотистых огоньков на карте Парнелла засветились болезненным серо-зеленым. – Каждая из этих систем практически

в такой же экономической дыре, как мы. Аннексировав их, мы, скорее, уйдем в минус. С остальными – едва ли в ноль. Системы, которые нас действительно интересуют, находятся на юге, ближе к Эревонскому тоннелю, или в Силезской конфедерации, на западе.

– Тогда почему бы не пойти сразу на них? – спросил Харрис.

– Потому что Эревон – практически член Лиги, мистер президент, – ответила Дюмарест. – Если мы пойдем на юг, Лига решит, что мы угрожаем ее территориальной целостности. Так что это... не лучшая идея.

Все закивали. Экономически Соларианская лига была одним из богатейших, сильнейших государств ойкумены, но ее внешняя и оборонная политика строилась на таком количестве компромиссов, что, по сути, не существовала. И никто не хотел знать, как она эволюционирует, если разбудить этого спящего гиганта.

– На юг дорога закрыта, – продолжила Дюмарест, – а на западе нас снова встретит Мантикора.

– Почему же? – возразил Фрэнкель. – Мы можем взять Силезию, не приближаясь к Мантикоре даже на сотню световых лет: просто пройдем над ней, не задевая.

– Да неужто? – отозвался Парнелл. – А про мантикорскую сеть тоннелей вы забыли? Ее терминал в системе Василиск будет прямо у нас на пути. Нам необходимо его захватить, чтобы защитить фланги. К тому же королевский флот Ман-

тикоры заметит, что мы разворачиваем войска у ее северных границ. Он в любом случае попытается нас остановить.

– А договориться с ней нельзя? – спросил Фрэнкель Бергрена. Тот пожал плечами.

– Для либеральной партии Мантикоры внешняя политика – это темный лес, прогрессивисты поторговались бы, но они не у власти. Всем заправляют центристы и лоялисты, а они люто нас ненавидят. Сильнее нас ненавидит, пожалуй, только Елизавета III. Даже если бы прогрессивисты и либералы смогли склонить мнение большинства в нашу сторону, корона никогда не станет вести с нами переговоры.

– Хм... – Фрэнкель ущипнул себя за губу и вздохнул. – Очень плохо, потому что есть еще один аспект. Бартер мы сейчас наладить не можем, а три четверти нашей торговли идут через мантикорский центральный узел. Если Мантикора его закроет, увеличится и время транзита... и цена.

– Кому вы рассказываете, – кисло отозвался Парнелл. – Чертов тоннель дает ее флоту прямой доступ через терминал Звезды Тревожа прямо в сердце Республики.

– А вот если мы выкинем ее из игры, узел будет нашим... – негромко проговорила Дюмарест. – Представьте, как это повлияет на нашу экономику.

Фрэнкель вскинул голову, его глаза заблестели от жадности: центральный узел давал королевству Мантикора доход в размере семидесяти восьми процентов ВВП всей Солнечной системы! Харрис заметил его оживление и неприятно улыб-

нулся.

– Хорошо, давайте подумаем. У нас проблемы, с этим никто не спорит. Нам необходимо расширяться. Мантикора как раз по пути, да к тому же станет живительным вливанием в нашу экономику. Вопрос: что мы будем делать с этой информацией?

– Даже если мы не пойдем на Мантикору, проблемы на юго-западе выкорчевать все равно придется, – глубокомысленно сказал Парнелл и указал на системы, которые Фрэнкель «выкрасил» в серо-зеленый. – Что бы мы ни сделали, Мантикора все равно решит нам противостоять. Если мы развяжем войну, правильнее будет сперва взять Мантикору, а потом разобраться с дичью поменьше.

– Согласен. – Харрис поднялся. – Есть ли у вас соображения, как именно это сделать?

– Дайте мне посоветоваться со своими офицерами, мистер президент. Сдается мне, узел может быть обоюдоострым мечом, если мы правильно разыграем карты... – Он встряхнул головой. – В общем, дайте мне посоветоваться с моими людьми. Особенно с разведкой. У меня есть идея, но над ней нужно поработать. Подам вам отчет, скажем... через месяц. Сроки приемлемые?

– Более чем, адмирал, – ответил Харрис и распустил совет.

Глава 1

Стоило исчезнуть ровной пульсации двигателей шаттла, как пушистый клубок на коленях Хонор Харрингтон заворочался, поднял остроухую голову, зевнул во весь полный острых зубов-иголок ротик. Затем древесный кот повернулся к Хонор, наградив ее взглядом больших зеленых глаз.

– Бли-ик? – спросил он.

Хонор тихо усмехнулась.

– Сам ты бли-ик, – сказала она, почесав его морду. Зеленые глаза моргнули, четыре из шести лап нежно обхватили ее запястье. Хонор снова усмехнулась, сделала вид, что пытается высвободить руку, и древесный кот развернулся во все свои шестьдесят пять сантиметров (не считая хвоста), уперся задними лапами ей в живот и низко замурчал. Хватка передних и средних лап стала крепче, но когти – каждый в сантиметр, изогнутые, острые, словно ножи из слоновой кости, – остались спрятаны. Хонор однажды видела, как легко такие коготки раздирают лицо человека, покусившегося на друга древесного кота, но ее это мало волновало. Она знала, что Нимиц скорее станет вегетарианцем (таких ошибок древесные коты не делали), чем нападет на человека. Исключение составляла только самозащита (или защита Хонор).

Она все-таки высвободилась из хватки Нимица и закинула длинного гибкого кота на плечо – тот замурлыкал

еще громче и довольнее. Как бывалый космический путешественник, Нимиц понимал, что на маленьких кораблях, где все под напряжением, на плечах не поездишь, но еще он знал, что древесные коты ездят на плечах своих компаньонов с тех самых пор, как первый кот много веков назад завел себе первого человека. Нимиц был традиционалистом.

Плоская пушистая челюсть вжалась в ее макушку – устраниваясь, кот вонзил когти четырех лап в специальный наплечник. Несмотря на худобу, весил Нимиц девять кило, что ощущалось даже на шаттле со сниженной гравитацией, но он научился переносить вес так, чтобы не давить на плечо, и Хонор безо всякого труда наклонилась взять чемоданчик с пустого сиденья рядом. Шаттл был полупустой, и она оказалась пассажиром самого высокого звания, поэтому ей выделили место возле люка: практичная и уважительная традиция, ведь самый старший офицер всегда садится на корабль последним, а сходит первым.

Шаттл слегка тряхнуло – это колеса коснулись семидесятикилометровой громады причала космической станции Ее Величества «Гефест», основной верфи королевского флота Мантикоры. Нимиц с облегчением выдохнул, взъерошив короткие легкие волосы Хонор.

Сдержав улыбку, она поднялась со своего «почетного» места, одернула мундир. Под весом Нимица шов на плече съехал, пришлось поправить рукав, чтобы наплечный знак различия с львиноголовой и крылатой, как летучая мышь,

мантикорой на ало-золотом поле, занесшей шипастый хвост, встал на место. Из-под левого погона она достала берет – особый, белый, купленный в тот день, когда ей дали «Крыло ястреба», – и ласково отодвинула морду Нимица. Древесный кот, подождав, пока она наденет и поправит берет, уткнулся мордой в теплую ткань. Повернувшись к люку Хонор почувствовала, как лицо все-таки расплывается в улыбке.

Эта улыбка совершенно не вязалась с ее обычным «профессиональным» выражением лица, но Хонор знала, что сейчас – можно. Она и так изо всех сил сдерживалась, чтобы не закружиться, раскинув руки и пугая остальных пассажиров радостными криками. В конце концов, ей было почти двадцать четыре – больше сорока стандартных земных лет, – и командеру королевского флота Мантикоры так вести себя нельзя. Даже если ей впервые доверили командование легким крейсером.

Она подавила смехок, купаясь в непривычном ощущении полного бесхитростного счастья, и прижала руку к груди. В нагрудном кармане зашуршал сложенный листок архаичной бумаги – непривычно чувственный, возбуждающий любопытство звук, – и Хонор прикрыла глаза, наслаждаясь моментом, ради которого столько трудилась.

Пятнадцать лет – двадцать пять земных – прошло с того жуткого, но волнующего первого дня в кампусе Саганами. Два с половиной года зубрежки и изнурительных тренировок в Академии. Четыре года попыток выбиться из мичманов в

лейтенанты без покровительства и кумовства. Одиннадцать месяцев лоцманом на фрегате «Оспрей», пока не получила под свое командование крошечный внутрисистемный ЛАК¹. В нем было едва ли десять тысяч тонн, ему даже имени не полагалось, только бортовой номер, но как же Хонор любила эту кроху!

Потом была служба старпомом, а затем и тактическим офицером здорового супердредноута, и наконец-то после одиннадцати лет изнурительного труда карьера начала идти в гору. Она думала, что умерла и попала в рай, когда ее назначили капитаном «Крыла ястреба» – выдавшего виды, но очень даже крепкого эсминца. Тридцать три месяца ничем не омраченной радости от командования «Крылом» увенчались заслуженной оценкой «отлично» и наградой за тактические успехи на прошлогодних учениях. И вот!..

Палуба дрогнула под ее ногами, лампочка над люком помигала желтым, пока шаттл устраивался на стыковочных амортизаторах «Гефеста», и загорелась зеленым – значит, давление в посадочном рукаве выровнялось. Панель отъехала, Хонор быстрым шагом вышла в рукав.

Техник, открывавший люк на другом конце, тут же встал по стойке смирно, заметив белый берет капитана космического флота и три золотых командерских полосы на ру-

---

¹ Легкий Атакующий Корабль – маленький корабль с экипажем из нескольких человек, без гипердрайва и ограниченной автономности, используется в основном для внутрисистемных патрулей.

каве, черном, словно космос. Однако он замешкался отдать честь, увидев Нимица, покраснел и отвернулся. Хонор привыкла к такой реакции: древесные коты, живущие на ее родной планете Сфинкс, тщательно выбирали себе людей и даже отправлялись с ними в космос, хотя такие пары были редким зрелищем. Сто пятьдесят мантикорских лет назад Адмиралтейству даже пришлось внести поправку в устав из-за них. Древесные коты находились на отметке восемь целых три десятых по шкале разумности, чуть выше гремлинов Беовульфа и дельфинов Старой Земли, да к тому же были эмпатами. Никто так и не понял принцип их телепатической связи, но разлука с компаньоном причиняла им сильнейшую боль. К тому же ученые доказали, что и компаньоны в присутствии своих котов эмоционально гораздо стабильнее. Так случилось, что наследная принцесса Адриана во время визита на Сфинкс была избрана древесным котом и через двенадцать лет, уже став королевой, выразила неудовольствие тем, что командование пытается разлучить офицеров с их компаньонами. Так Адмиралтейству пришлось внести поправку в драконовский пункт «никаких питомцев».

Хонор была рада этому, пусть сначала и боялась, что, поступив в Академию, не сможет уделять Нимицу достаточно внимания. Сорок пять бесконечных месяцев на Саганам были расписаны поминутно, так что даже обычным курсантам ни на что не хватало времени. Но хоть инструктора Академии и ворчали, когда к ним заявила плебейка с

редким существом, они знали, что против сил природы не пойдешь. Впрочем, даже самые «домашние» коты сохраняли независимость (и неуязвимость) своих диких собратьев, и Нимиц прекрасно понимал, с какими трудностями сталкивается Хонор. Все, что ему нужно было для счастья, – немного почесушек, немного игр в «злую руку», место на плече, пока компаньон сидит над книгами, и сон на ее подушке. Он, правда, вполне снисходил до того, чтобы притворяться самым несчастным в мире древесным котом, выпрашивая поглаживания и угощение у случайных жертв. Даже начальник Академии Макдугал, наводивший ужас на всех первокурсников, поддался его чарам и носил с собой запас сельдерейной соломки, для которой плотоядные коты делали исключение. Соломку он скармливал Нимицу, когда думал, что никто не видит, но за эту слабость отыгрывался на Хонор, выжимая из нее все соки.

Задумавшись, она не заметила, как вышла из гейта в зал прибытия. Найдя взглядом цветную полосу, указывающую путь к служебным тоннелям, она сразу двинулась в нужную сторону, не дожидаясь багажа: все ее небогатое имущество стюарды еще утром увезли из общежития Продвинутых тактических курсов, она и собраться толком не успела.

Хонор нахмурилась, вызывая капсулу. Во флоте все старались делать организованно, а тут такая спешка... О назначении на «Крыло ястреба» ее уведомили за два месяца, а в этот раз буквально выдернули с церемонии выпуска ПТК и

без предупреждения погнали в офис адмирала Курвуазье.

Прибыла капсула, Хонор вошла, хмурясь и задумчиво потирая кончик носа. Нимиц наклонился и с упреком куснул ее за ухо – этот жест он приберегал для частых – увы – случаев, когда его компаньон волновалась. Хонор в ответ изобразила, будто тоже хочет его укусить, и почесала кошачью грудь, но беспокойство не ушло. Нимиц раздраженно вздохнул.

И почему Курвуазье так быстро вытолкал ее из офиса на новое задание? Она знала адмирала много лет: этот мягкий на вид, свеженький, как младенец, гном умел изобретать адски сложные тактические проблемы. Он был ее инструктором по тактике на четвертом курсе – разглядел ее задатки и довел до мастерства, не зависящего от вдохновения. Пока остальных инструкторов больше заботили ее оценки по математике, Курвуазье часами работал с ней после занятий и буквально спас ее карьеру еще до того, как та началась. Но в этот раз общался как-то уклончиво. Нет, Хонор знала, что поздравления его вполне искренни, и явная учительская гордость тоже, но за ними крылось что-то еще. Он так срочно послал ее на «Гефест» якобы для того, чтобы кто-то провел ее новый корабль через все стадии переоборудования для приближающихся флотских маневров. Вот только КЕВ² «Бесстрашный» был просто легким крейсером, а на маневры собирались вывести весь флот метрополии – вряд ли ее присутствие могло как-то изменить расклад сил.

---

² Корабль Ее Величества.

Нет, что-то явно было не так, и она очень сожалела, что перед полетом не смогла вытащить из него всю информацию. С другой стороны, в спешке она не успела накрутить себя, как перед назначением на «Крыло ястреба». В конце концов, лейтенант-коммандер Маккеон, ее будущий старпом, прослужил на «Бесстрашном» почти два года, сперва офицером по тактике, потом старпомом, – уж он-то сможет рассказать, что это за переоборудование такое, о котором Курвуазье не хочет говорить.

Дернув плечом, она вбила в навигатор капсулы место назначения, поставила чемоданчик и наконец расслабилась. Капсула рванула по контргравитационному тоннелю. Несмотря на пиковую скорость в семьсот километров в час, путь должен был занять пятнадцать минут, если повезет и не будет пробок.

Палуба чуть вздрагивала под ногами, когда один квадрант гравитационных генераторов «Гефеста» передавал капсулу другому – мало кто чувствовал это подрагивание, но Хонор все замечала: космос стал для нее реальнее, чем синие небеса и холодные ветра родной планеты. Словно еще одно сердцебиение – едва заметные звуки и ощущения, сразу и точно рассказывающие, что происходит вокруг.

Выбросив из головы мысли об уклончивых адмиралах и других загадках, она сосредоточилась на мигающем значке капсулы, летящем по карте. Потянулась, снова поправила мундир и удивленно замерла, поймав свое отражение в от-

полированной переборке.

Казалось бы, от такой головокружительной смены статуса и лицо ее должно было стать каким-то другим... но не стало. Все те же углы и резкие линии, среди которых гордо торчал аристократический орлиный нос (единственное, по мнению Хонор, что в ней было аристократического), и никакой косметики. Кто-то однажды (всего однажды) сказал, что в ее лице есть «суровая привлекательность». Правда это или нет, Хонор не знала, но звучало точно лучше, чем ужасно неловкое «Она выглядит такой... свежей и здоровой, не правда ли?».

Как бы депрессивно это ни звучало, ни свежестью, ни здоровьем она тоже не отличалась. Скорее, выглядела подтянутой в черной с золотом форме КФМ³, благодаря одной целой тридцати пяти сотым гравитации своей родной планеты и жесткому режиму тренировок. И это, как самокритично думала она, лучшее, что можно сказать про ее внешность.

Большинство женщин во флоте переняли нынешнюю планетарную моду на длинные волосы и сложные прически, но Хонор давным-давно решила, что нет смысла пытаться выглядеть тем, кем она не является. Ее прическа была практичной, безо всяких претензий на изысканность. Короткие волосы не мешали надевать шлем и не лезли в лицо в невесомости, они упрямо вились на концах и цвет имели не светлый, не рыжий и даже не черный, а скорее нейтральный – кашта-

---

³ Королевский Флот Мантикоры.

новый. Темно-карие миндалевидные глаза, унаследованные от матери, всегда казались ей лишними на скуластом лице, будто их добавили, спохватившись в последний момент. Из-за них бледное лицо казалось еще бледнее. Губы сурово сжаты, подбородок слишком мощный... «Нет уж, — подумала она с привычной тенью сожаления, — лицо как лицо, жить можно, но невероятной красоты тут и близко нет... А, к черту!»

Она ухмыльнулась отражению, чувствуя, как радость пузырится внутри, прогоняя все волнения. Отражение ухмыльнулось в ответ. Она выглядела как хулиганка, припрятавшая пакет с конфетами. Пришлось взять себя в руки и сосредоточиться на новых обязанностях, придать себе невозмутимый вид человека, владеющего собой. Проще сказать, чем сделать. Она так быстро пробилась в командеры! Впечатляюще, даже несмотря на стабильный рост флота из-за угрозы вторжения Хейвена, ведь программы активного долголетия увеличили для многих и срок службы. Недостатка в старших офицерах не было, к тому же Хонор не повезло ни с высокопоставленными родственниками, ни с влиятельными друзьями, способными продвинуть ее карьеру. Она с самого начала приняла, что менее компетентные, но более родовитые ее обгонят. Так и случилось... Но вот наконец и она взяла свое. Плох тот офицер, что не мечтает стать капитаном крейсера! Да, «Бесстрашный» в два раза ее старше и всего чуточку больше современного эсминца, ну и что? Это все рав-

но крейсер, а крейсера – глаза и уши мантикорского флота, его конвой, его налетчики. Командование крейсером давало свободу, независимость и большие возможности.

И нагужало ответственностью. Эта мысль стерла ухмылку с ее лица. Да, каждый хороший офицер желал независимости, но капитан – один в космической тьме. Некому пожаловаться, не с кем разделить вину за поражение и радость победы. Твое слово на корабле – решающее. Хонор Харрингтон доверили представлять ее королеву и королевство. Если она не оправдает это доверие, никто во всей галактике ее не спасет.

Вскоре капсула остановилась. Хонор вышла на просторную галерею дока и с жадностью стала искать глазами свое новое судно. КЕВ «Бесстрашный» парил у причала за прозрачной бронепластовой стеной – гладкий, изящный даже под гнетом рабочих платформ и выходных рукавов. На белом борту выделялась надпись CL-56 – номер выпела, прямо за передними турбинами. Крейсер облепили роботы-механики, за ними, болтаясь в вакууме, присматривали люди в скафандрах. Хонор заметила, что бо́льшая часть работы кипела вокруг бортовой артиллерии.

Нимиц приподнялся и всмотрелся в происходящее, замерев, как и его спутница. Хонор приподняла бровь – адмирал Курвуазье говорил, что «Бесстрашный» будут серьезно переоборудовать, но Хонор не ожидала такого размаха. А если вспомнить, что адмирал точно чего-то недоговаривал, зна-

чит, творилось нечто особенное... Правда, Хонор даже представить не могла, что это за событие, о котором Курвуазье не мог ей рассказать. Впрочем, это отошло на второй план, ведь перед ней был ее корабль – ее новый корабль!

Она не помнила, сколько простояла, любуясь им, прежде чем смогла оторвать от крейсера взгляд и пройти к тоннелю для экипажа. Двое часовых, стоявших на посту, увидев ее, тут же вытянулись по стойке смирно. Хонор отдала им удостоверение, довольно наблюдая, как старший офицер, капрал, внимательно его проверяет. Конечно, они знали, кто перед ними, если только сарафанное радио не перестало вдруг работать. А если бы и не знали – желанный для всякого офицера белый берет мог носить лишь один член экипажа. Однако никто из караульных не выразил эмоций от появления их «второго начальника после Бога». Наконец капрал отдал ей документы, отсалютовал, и Хонор вошла в тоннель. Оборачиваться она не стала: в зеркале на шпангоуте у первого поворота, показывающем, не плывет ли кто-то навстречу, было видно, как капрал что-то вбивает в коммуникатор на запястье, предупреждая командную палубу, что новый капитан на борту.

Красная полоса, рассекающая пол, предупреждала, что дальше гравитации нет. Почувствовав, как когти Нимица вцепились в плечо, Хонор перешагнула ее, и, распрощавшись с искусственной гравитацией «Гефеста», поплыла вперед. Пульс застучал быстро – быстрее, чем нужно.

«Еще две минуты», — напомнила себе Хонор.
Всего две минуты.

* * *

Ждавший у входа лейтенант-коммандер Алистер Маккеон одернул мундир и себя, стараясь не поддаваться раздражению. Сообщение застало его по локоть в разобранном терминале управления огнем. Не было времени ни принять душ, ни переодеться — он чувствовал, что рубашка под мундиром промокла от пота. Но, по крайней мере, сообщение капрала Левайна дало ему возможность собрать других офицеров. Когда корабль в доке, формальные церемонии можно было опустить, но Маккеон не хотел злить нового капитана. К тому же у «Бесстрашного» была определенная репутация и...

Заметив в полутьме коридора белый берет, он невольно выпрямил спину так, что она едва не хрустнула. Скулы светло при виде кремово-серого существа на капитанском плече. Он не знал, что у капитана древесный кот, и почувствовал вспышку иррациональной неприязни.

Коммандер Харрингтон доплыла до красной перекладки, отмечающей начало внутреннего гравитационного поля «Бесстрашного», ухватила за нее и легко, как гимнастка, спрыгнула на пол перед Маккеоном. Взглянув ей в лицо, старпом почувствовал, как раздражение удивительным обра-

зом становится только сильнее. На фото в личном деле командер выглядела суровой, холодной, и короткая стрижка только усиливала впечатление. Фотография не смогла передать живость и привлекательность ее резких черт. Никто не назвал бы командера Харрингтон красивой, но было в ней нечто более существенное: сильные черты лица и огромные карие глаза, экзотические, миндалевидные, искрящиеся едва сдерживаемым восторгом, которые затмевали все эфемерные концепции красоты. Она была собой, уникальной женщиной, которую ни с кем не перепутаешь. И от этого становилось только хуже.

Маккеон встретил ее изучающий взгляд с каменным лицом и попытался засунуть обиду и неприязнь куда подальше. Он отсалютовал, как полагается, офицеры встали по стойке смирно. По кораблю пронесся боцманский сигнал, и все замерло, пока капитан не отсалютовала в ответ.

– Разрешите подняться на борт. – Голос у нее был спокойный, неожиданно высокий и чистый для такой рослой женщины: Маккеон был ростом метр восемьдесят, но она над ним возвышалась.

– Разрешаю, – ответил Маккеон. Это была формальность, но важная. Пока капитан не принял командование официально, он на корабле старпома просто гость.

– Спасибо, – сказала она и прошла мимо него на борт.

Маккеон наблюдал, как она оглядывает встречающих, и пытался угадать ее мысли. Ее точеное лицо было бесстраст-

но, как маска («А глаза так и светятся», — кисло подумал он), и Маккеон надеялся, что и сам не выдал раздражения. Нечестно испытывать к ней неприязнь. Лейтенант-коммандеру не приходилось рассчитывать на командование легким крейсером, но Харрингтон была почти на пять лет — больше восьми земных лет — младше него. И не просто заработала полноценное звание коммандера, не только щеголяла золотой звездой за отличную службу, но еще и выглядела так, будто ему в дочери годится. Ну, может, и не в дочери, но в племянницы точно.

Конечно, она была долгожительницей в третьем поколении — он внимательно изучил ее личное дело, — и антивозрастная терапия более активно действовала на второе и третье поколение. Другие сведения, которые он вытащил из дела, немного его смягчили: ее любовь к оригинальным тактическим маневрам и особая королевская благодарность за спасение жизней при взрыве энергоблока КЕВ «Мантико-ра». Но ни это, ни ее юность не могли ослабить удар: пост, который он так безнадежно хотел занять, достался офицеру, который не только излучал естественное обаяние (Маккеон всегда этому завидовал в других), но и выглядел вчерашним выпускником. Не помогал и нависающий над ним древесный кот, которого не получалось игнорировать.

Харрингтон закончила «инспекцию» встречающих и обернулась к нему. Маккеон засунул неприязнь поглубже и перешел к следующему шагу: обязанности куда не делись.

– Могу я проводить вас на мостик, мэм?

Она кивнула.

– Спасибо, командер.

* * *

Хонор вышла из лифта на мостик, оглядела свои новые владения. Следы рьяного переоборудования были очевидны: тактическая секция разобрана, вокруг валяются детали и инструменты, но больше ничего как будто не тронуто. Черт, что же Курвуазье ей не сказал об этом корабле?

Но это могло подождать. Она подошла к капитанскому креслу в центре мостика, окруженному, как гнездо, дисплеями и датчиками. Большую часть дисплеев убрали в слоты. Хонор коснулась панели, скрывающей тактический дисплей, но садиться не стала. По давней традиции кресло должно было оставаться свободным, пока капитан не прочтет приказ о назначении. Поэтому она заняла место рядом, ссадила Нимица на подлокотник, подальше от микрофона, и, поставив чемоданчик, нажала на кнопку интеркома. По кораблю разнесся мелодичный сигнал.

Вся работа на «Бесстрашном» остановилась. Даже гражданские механики выползли из-под консолей и энергоблоков. На всех экранах интеркомов возникло лицо Хонор, она почувствовала, как сотни взглядов впились в ее белый берет – кому же лорды Адмиралтейства в своей необозримой муд-

рости доверили их жизни?

Она достала официальную бумагу и принялась ломать печатать. По всему кораблю зашелестели динамики.

– От сэра адмирала Люсьена Кортеса, Пятого космос-лорда королевского флота Мантикоры, – прочитала она громко и четко, – командеру королевского флота Мантикоры Хонор Харрингтон, тридцать пятого дня четвертого месяца двести восьмидесятого года от Высадки. Мадам, вам предписано отправиться на борт Корабля Ее Величества «Бесстрашный», Си-Эль-Пять-Шесть и принять на себя обязанности служить короне в качестве командира судна. И в самый темный час да не уроните вы честь сего мундира. По приказу сэра адмирала Эдварда Яначека, Первого лорда Адмиралтейства и королевского флота Мантикоры, именем Ее Величества Королевы.

Хонор умолкла, сложила бумагу, не глядя в экран. Уже пять сотен стандартных лет эти формальные фразы сопровождали передачу командования в мантикорском флоте. Короткие, напыщенные, но прочитать их значило получить в свою власть команду, присягнувшую служить, невзирая на боль и смерть. Большая часть команды ничего о ней не знала, она тоже ничего не знала о них, но это было неважно. Теперь это ее команда, их жизни зависят от того, насколько хорошо она будет выполнять свою работу. Осознание ответственности укололо холодной иглой. Убрав приказ, Хонор обернулась к Маккеону.

– Старпом, капитан командование принял, – сказала она.

– Капитан, – ответил он таким же формальным тоном, – старпом командование мостиком передал.

– Спасибо. – Она взглянула на вахтенного квартирмейстера, стоявшего поодаль, прочитала имя на нагрудной плашке. – Мистер Браун, занесите в бортовой журнал. Команда, не буду тратить ваше время и толкать речи. У нас слишком много дел и слишком мало времени. Продолжайте трудиться.

Она выключила интерком, экран потемнел, вокруг снова закипела работа, и Хонор наконец устроилась в удобном, эргономичном кресле – ее кресле. Нимиц, раздраженно взмахнув хвостом, вскочил обратно ей на плечо. Она жестом подозвала Маккеона.

Высокий, крепко сбитый старпом подошел, глядя на нее в упор серыми глазами, и на мгновение ей показалось, что в его взгляде мелькнула неприязнь... или вызов. Однако Маккеон как ни в чем не бывало протянул руку, по традиции приветствуя нового капитана, а его низкий голос не выражал эмоций.

– Добро пожаловать на борт, мэм, – сказал он. – Боюсь, у нас тут сейчас хаос, но в расписание мы укладываемся, и начальник дока обещал еще две бригады на следующую вахту.

– Отлично. – Хонор пожала протянутую руку и прошла с Маккеоном к раскуроченному терминалу управления огнем. – Но должна признать, старпом, что мне все еще кое-

что неясно. Адмирал Курвуазье предупредил меня, что на корабле масштабное переоборудование, но не упоминал, что настолько. — Она кивнула на снятые панели и торчащие провода.

— Боюсь, выбор у нас невелик, мэм. С энерготорпедами мы еще можем обойтись программными изменениями, но гравикопье все же инженерная конструкция, и привязать ее к терминалу управления огнем придется напрямую, через основную тактическую систему.

— Гравикопье? — Хонор не повысила голос, но Маккеон расслышал удивление. Пришла его очередь приподнимать бровь.

— Да, мэм. — Он помедлил. — Вам никто об этом не сказал?

— Нет, не сказал. — Губы Хонор сжались в линию, которую с большой натяжкой можно было назвать улыбкой. Она сцепила руки за спиной. — Сколько бортовых орудий пришлось демонтировать?

— Все четыре гамма-лазера, — ответил Маккеон и заметил, как ее плечи слегка напряглись.

— Ясно. Вы упомянули энерготорпеды?

— Да, мэм. Механики заменили ими... заменяют все ракетные установки, кроме двух.

— Все, кроме двух? — На этот раз вопрос прозвучал резче, и Маккеон едва не усмехнулся горько. Так они ее даже не предупредили! Неудивительно, что она расстроилась. Он и сам расстроился, когда узнал.

– Да, мэм.

– Ясно, – повторила она и вздохнула. – Очень хорошо, старпом. С чем мы остались?

– У нас все еще есть тридцатисантиметровые лазеры, по два на каждом борту, плюс пусковые установки. После переоборудования будут также гравикопье и четырнадцать торпед. Погонные орудия все те же: две ракетные установки и шестидесятисантиметровый лазер.

Вглядываясь в ее лицо, он заметил, что она хотела поморщиться... но не поморщилась. Это многое говорило о ее самоконтроле: энерготорпеды были быстрыми, разрушительными, сложными для перехвата... и совершенно бесполезными против энергетических щитов армейского образца. Для их пробития, собственно, и предназначалось гравикопье, обычно с легкостью выжигающее генераторы щита, вот только заряжалось оно медленно и дальность у него была низкая. Но капитан Харрингтон не поддала виду, что знает об этом.

– Ясно, – сказала она в третий раз и резко кивнула. – Что ж, мистер Маккеон. Я наверняка оторвала вас от какого-то важного дела. Мои вещи доставили?

– Да, мэм, стюард позаботился.

– В таком случае, если понадобится, я буду у себя: ознакомлюсь с бортовыми журналами. Сегодня вечером приглашаю офицерский состав на ужин, не хочу сейчас отвлекать их для знакомства. – Она задумалась на мгновение. – Но пе-

ред этим хочу пройтись по кораблю, посмотреть на ход работ. Вам удобно будет составить мне компанию в четырнадцать ноль-ноль?

– Конечно, капитан.

– Благодарю. В таком случае увидимся. – Она кивнула и ушла с мостика, не оглядываясь.

Глава 2

Хонор Харрингтон вздохнула, откинувшись на спинку кресла и принялась массировать переносицу. Неудивительно, что адмирал Курвуазье так уклончиво рассказывал о переоборудовании. Старый наставник слишком хорошо ее знал. Знал, как она отреагировала бы, расскажи он правду, и не хотел, чтобы она в порыве ярости пустила под откос первую возможность командовать крейсером.

Она тряхнула головой и встала потянуться. Нимиц, заметив это, начал соскальзывать со своей обитой тканью «жердочки», которую заблаговременно установил стюард, но Хонор махнула коту рукой, издав звук, означавший, что ей надо подумать. Кот склонил голову набок, тихо бликнул и снова улегся.

Хонор быстро прошла по каюте. Может, «Бесстрашный» и был маловат по современным стандартам, меньше девяноста тысяч тонн, но капитанская каюта была куда просторнее, чем на «Крыле ястреба». Для привыкших к жизни на планете это пространство все равно показалось бы тесным, но Хонор так долго прожила в космосе, что давно уже не мерила каюты планетарными стандартами. В этот раз ей достался даже собственный обеденный отсек, достаточно большой, чтобы собирать офицеров по формальным поводам. Роскошь, особенно на борту военного корабля.

Но даже эта роскошь не радовала, ведь «Гефест» буквально изувечил весь остальной корабль.

Она остановилась, поправила золотую табличку на переборке у стола, стерла рукавом отпечаток пальца с отполированного металла и почувствовала знакомое удовлетворение. Табличка уже двенадцать лет путешествовала с планеты на планету, с корабля на корабль, создавая уют. Это был ее талисман на удачу. Тотем. Она провела кончиками пальцев по длинному тонкому крылу выгравированного на золоте планера, улыбнулась, вспоминая, как приземлилась и узнала, что поставила новый рекорд Академии – до сих пор никем не побитый – высота, продолжительность полета и аэробатика...

Но улыбка померкла, стоило заглянуть в обеденный отсек. Хонор снова вздохнула. После того, что она нашла на компьютере, ее не радовал ни предстоящий ужин, ни тур по кораблю – два самых приятных ритуала принятия командования. Счастье померкло.

Она, как и сказала Маккеону, изучала бортовые журналы, но все внимание сосредоточила на спецификациях переоборудования и детальных инструкциях, найденных в капитанской закрытой базе данных. Маккеон честно перечислил изменения, вот только не упомянул, что кроме двух третей ракетных установок «Гефест» раскурочил еще и отсеки для боеприпасов. Для малых кораблей вроде легких крейсеров и эсминцев хранение боеприпасов всегда было той еще

головной болью, потому что снаряды на импеллерной тяге не бывали маленькими и впихнуть их на борт можно было в ограниченном количестве. А если ракетные установки демонтировали, то и ракетные отсеки, конечно, тоже. Все, чтобы уместить еще четыре торпедные установки.

Она почувствовала, что губы сами собой растягиваются в оскале, и одернула себя. Нимиц вопросительно бликнул. К сожалению, складывать звуки в слова древесные коты не умели. Друг с другом они общались с помощью своей непонятной телепатии, но вот люди очень сильно недооценивали их разумность. Хонор на этот счет не обманывалась и знала, что Нимиц очень чувствителен к переменам в ее настроении. Она даже подозревала, что кот знает ее лучше, чем она себя. Почесав Нимица под подбородком, она продолжила мерить каюту шагами.

Все просто, мрачно подумала Хонор, стиснув зубы. Она попала в лапы к Хамке Хемпхилл и ее шайке. Придется теперь делать хорошую мину при их плохой игре.

В КФМ были две основные школы тактической теории: традиционалисты во главе с адмиралом Хэмишем Александром и *jeune école* – молодая школа адмирала Алой леди – Сони Хемпхилл. Александр – а с ним и Хонор – считали, что фундаментальные тактические истины от вооружения не зависят и новое оружие нужно подбирать под тактическую концепцию в зависимости от его возможностей. А вот молодая школа полагала, что вооружение определяет тактику и

при правильном применении этого самого вооружения исторические прецеденты и анализ неважны. Увы, у политиков Хамка Хемпхилл и ее продавцы «волшебной таблетки» были сейчас в фаворе.

Хонор подавила несвойственное ей желание грязно выругаться. Она не изучала политику, не понимала ее и не любила, но даже она понимала нынешнюю дилемму правительства Кромарти.

Герцогу Аллену противостояли либералы и прогрессивисты, которые постоянно старались резать крупные военные бюджеты. «Новые люди» по всем признакам склонялись к альянсу с ними, поэтому ему пришлось в качестве противовеса притянуть в свой лагерь ассоциацию консерваторов. Вряд ли консерваторы собирались оставаться в стороне: их ксенофобный изоляционизм и протекционизм фундаментально противостояли позиции центристов и лоялистов, убежденных в том, что открытая война с Народной Республикой Хейвена неизбежна. Но они были нужны Аллену, и их дружба дорого стоила. Они желали присутствовать в высших флотских структурах, так что герцогу Аллену пришлось откупиться от них назначением Эдварда Яначека на пост Первого лорда Адмиралтейства, гражданского начальника Хонор от министерства обороны.

Яначек в свое время был адмиралом, имел репутацию человека сурового и решительного, но более ксенофобного старого реакционера еще надо было поискать. Он входил

в группу, противостоящую аннексии терминала Василиска, утверждая, что это «настроит соседей против нас» (читай: «начнем ввязываться в заграничные авантюры»), и в этом не было ничего хорошего. Может, Хонор и не интересовалась политикой, но точно знала, кого поддерживает. Центристы понимали, что экспансивные настроения Хейвена однажды приведут к конфликту, и готовились. Консерваторы же предпочитали зарывать голову в песок и надеяться, что все само рассосется, но при всей любви к изоляции не желали поддерживать усиление флота.

Но больше всего проблем «Бесстрашному» приносил тот простой факт, что Хемпхилл была второй кузиной Яначека, а Яначек терпеть не мог адмирала Александра. Еще одно обстоятельство: Первый лорд боялся традиционалистов, настаивающих, что агрессивная экспансия Хейвена продолжится, если не сдержать ее силой. И последнее, но немаловажное: Хемпхилл имела самое высокое звание среди красных. Флагманы КФМ делились на две дивизии по старшинству: младшие командиры подчиненных соединений назывались красными, или дивизией Грифона. Старшие – зелеными, или дивизией Мантикоры. Благодаря долгосрочной службе каждый флагман мог в конце концов перейти в другую дивизию, но некоторые предпочитали идти по головам. Леди Соня явно намеревалась, заручившись поддержкой кузена, перепрыгнуть к зеленым, а уж если она докажет свои тактические теории... Все это давало Хамке Хемпхилл власть уродовать бес-

помощный кораблик Хонор.

Хонор зарычала и пнула стул через всю каюту. Но облегчение было мимолетным. Она снова упала в кресло и посмотрела на экран.

«Бесстрашный», похоже, был ее «наградой» за высшую оценку на продвинутом тактическом курсе Курвуазье, потому что Хемпхилл сделала этот корабль своим секретным оружием на маневрах. Это объясняло завесу тайны вокруг переоборудования (и прощало молчание Курвуазье), и Хонор не сомневалась, что Хемпхилл сейчас усмехается и потирает руки.

Знала бы Хонор, что ее ждет, сдала бы экзамен похуже, чтобы отвертеться!

Она потеряла глаза. Интересно, Маккеон знал об их роли на учениях? Скорее всего, нет: слишком спокойный. Учitava, как это повлияет на их рейтинги эффективности и репутацию «Бесстрашного».

На бумаге-то все выглядело гладко: гравитационные щиты были первой линией защиты каждого боевого корабля. Импеллеры создавали пару гравитационных полос над и под кораблем, клином. Передний край уходил ниже, теоретически с ним можно было за секунду разогнаться до скорости света. Конечно, при таком разгоне команду размажет в кровавое пюре: самое большое ускорение, которое мог выдержать корабль с включенными импеллерами, – около шестисот g, но и это был огромный шаг вперед. Не только в плане скорости:

ни одно известное оружие не могло пробить импеллерный щит армейского образца.

Вот только полосы клина проходили только по низу и по верху, пока не придумали бортовые щиты, защищающие корабль с флангов. Нос и корма, правда, все равно оставались открытыми, а самый мощный бортовой щит недотягивал по плотности до клиновидного. Бортовые щиты пробивались снарядами, оснащенными средствами преодоления противоракетной обороны, но для серьезного пробития требовалось подойти на близкое (сравнительно) расстояние и ударить из чего-нибудь мощного. Это ограничивало дальность атаки до четырехсот тысяч километров.

Таким образом, космические битвы приобрели неприятную тенденцию заканчиваться тактической ничьей, вне зависимости от их стратегического значения. Стоило одному флоту понять, что дело плохо, как он просто разворачивался к противнику непробиваемыми щитами и пытался улизнуть из боя. Единственным ответом было преследование, но, бросившись в погоню, преследователи невольно подставляли незащищенные носы. Стоило им приблизиться, как они получали залп в этот самый нос.

Легкие крейсеры обычно бились до конца, но сражения крупных кораблей больше походили на сложный церемониальный танец, все фигуры которого были прекрасно известны.

Ситуация эта оставалась неизменной вот уже шесть сотен

стандартных веков: стоило одним инженерам придумать более дальнобойные лазеры, как другие укрепляли щиты. Хемпхилл и ее технофилов это просто сводило с ума. Они верили, что гравикопье сможет нарушить статус-кво, и собирались это доказать.

В теории Хонор должна была уступить. В теории. Глубоко в душе она даже по-бунтарски желала, чтобы они оказались правы: как тактик, она ненавидела эти насквозь формалистические, но по-своему жестокие бои. Ведь если флот противника не удастся разбить, остается лишь долгая война на истощение, блокада, смерти, которых можно было избежать.

Но все же молодая школа ошибалась. Гравикопье было новым изобретением и еще не раскрыло потенциал, который ему приписывала Хемпхилл. Да, если хорошо прицелиться, прямой выстрел мог вызвать цепную реакцию, способную выжечь генератор щита, но это было громоздкое медленное оружие с дальностью в сотню тысяч километров при самых оптимальных обстоятельствах.

И это, мрачно подумала Хонор, был его самый критичный недостаток. Чтобы ударить копьем, кораблю требовалось подойти в упор к противнику, который пытался продырявить его еще с миллиона километров, а потом добавлял и энергетическое оружие с дальностью, в четыре раза превышающей дальность копья. На крупном судне такой маневр, может, и сработал бы – масса компенсировала бы уязвимости, – но только идиот (или Хамка Хемпхилл) мог додуматься про-

вернуть такое на легком крейсере! У «Бесстрашного» просто не было адекватной защиты на такой случай, а теперь благодаря гравикопью он еще и контратаковать как следует не мог! О, разумеется, если удастся подойти на расстояние удара гравикопья, если копьё попадет, массивные энергетические торпеды, которые Хемпхилл втиснула на борт, даже супердредноут смогут разорвать. Но только если копьё попадет – без него с таким же успехом можно было кидаться в щиты вареными яйцами.

Безумный план. И Хонор была в ответе за то, чтобы он сработал.

Она сердито уставилась на экран, с отвращением выключила его и упала на койку. Нимиц соскользнул со своего наместа и свернулся калачиком у нее на животе, положил морду на грудь, помогая думать. Хонор принялась наглаживать его, бормоча себе под нос.

Может, отказаться? В конце концов, капитан имеет право поставить под вопрос любые изменения на своем судне. Вот только «Бесстрашный» еще не был ее судном, когда утверждали переоборудование, да и «поставить под вопрос» не то же самое, что опротестовать. Хонор прекрасно знала, как Хемпхилл отреагирует на возражения, да и корабль уже в руинах. К тому же, как говорили в Академии, приказ есть приказ. Каким бы дурацким он ни был. Ведь «Бесстрашный» – ее корабль, черт возьми! Пусть с ней Хемпхилл делает что хочет, но на репутацию «Бесстрашного» никто не посмеет

покуситься, пока Хонор Харрингтон на посту!

Мурлыканье Нимица заставило ее расслабиться. Она не понимала, как он проворачивает такое, но здесь точно было замешано таинственное шестое чувство, потому что Хонор почувствовала, как возмущение становится решимостью – и вовсе не по ее воле!

Ее разум принялся обдумывать задачу. Что ж, возможно, один раз провернуть такое удастся, если только команда противника не раскусит маневр Хемпхилл. Кто в здравом уме будет ожидать такого?

Допустим, она присоединится к какой-нибудь оборонной эскадрилье: логичная позиция для легкого крейсера, большие мальчики и внимания на «Бесстрашного» не обратят, сосредоточившись на крупных кораблях. Это даст ей возможность проскочить на расстояние удара копья. Самоубийство, конечно, но когда это волновало дружков Хемпхилл? Они считали, что разменять легкий крейсер (и его команду) на вражеский дредноут или супердредноут – выгодная сделка. Еще одна причина, по которой Хонор терпеть не могла их так называемую тактическую доктрину.

Но хорошо, допустим, «Бесстрашный» сможет уцелеть – второй раз такого уже не повторить: противники поймут, кто их атаковал и чем, поэтому просто разнесут все легкие крейсера на своем пути. Хемпхилл засунула кувалду в кораблик из яичной скорлупы, который не выдержит выстрел с крупного корабля. С другой стороны, чтобы ее подвиг оценили,

особенно те, кто понимал, как это сложно, достаточно было повернуть схему один раз.

Хонор вздохнула и закрыла глаза. Слишком уж хорошо она себя знала: так и не научилась отворачиваться от испытаний. Если и есть способ повернуть гамбит Хамки Хемпхилл, она его найдет, как бы ни протестовало все внутри.

Глава 3

– Общий сигнал от флагмана, мэм. Предварительный Бейкер-Гольф-Семь-Девять.

Хонор кивнула лейтенанту Уэбстеру, не отрывая глаз от монитора. Она ожидала сигнала, с тех пор как «сторона агрессора» под управлением адмирала Д'Орвилля зашла на последний вектор, подбираясь вплотную.

План «Семь-Девять» был ее детищем. Хемпхилловский офицер оперативного отдела отнесся к нему прохладно, но вот начштаба капитан Гримальди понял, что затеяла Хонор, и с неожиданной проницательностью поддержал все ее осторожные намеки и предложения. Он даже одобрительно улыбнулся ей после капитанского инструктажа, и Хонор изменила свое мнение о нем на сто восемьдесят градусов, несмотря на то что капитан был в лагере Хамки Хемпхилл. Впрочем, не требовалось быть гигантом мысли, чтоб понять: с консервативной стратегией легкий крейсер, как бы он ни был вооружен, не выживет, попав в радиус атаки вражеского флота.

На обычном поле боя, ограниченном гиперлимитом ближайшей звезды, сравнительно легко спрятать даже крупный корабль (на дальних позициях, по крайней мере): достаточно выключить импеллеры, чтобы вражеское пассивное сканирование ничего не засекло. Вот только импеллерный движок – это не магия, даже на пятистах с чем-то g и эсминцу, и

легкому крейсеру понадобится время, чтобы изменить вектор скорости. Так что отключение импеллеров не лучший способ скрыться от врага, особенно если он не отдаляется от тебя на скорости в пятьдесят или шестьдесят процентов световой, а ты не можешь разогнаться, чтобы не нарушить маскировку.

Выходит, адмиралу маневры не скрыть: слишком велик риск потерять возможность соприкосновения. Значит, остается два варианта: встретить врага лицом к лицу, столкнувшись в жестокой битве, или отвлечь его внимание, чтобы он принял желаемое за действительное. Предрассудки Хемпхилл по поводу оружейной мощи были так сильны, что Хонор пришлось употребить все свое красноречие, чтобы добавить в план хоть немного хитрости. Леди Соня твердо верила, что, если долго и яростно поливать противника огнем, он в конце концов дрогнет. Простой и ясный подход.

Без поддержки Гримальди какой-то там командер, пусть и лично отобранный Хемпхилл, чтобы управлять ее секретным оружием, ни за что не смог бы переубедить адмирала, но Хонор это устраивало. Адмирал Д'Орвилль знал Хемпхилл как облупленную, хитрость – последнее, чего он от нее ожидал. Если Защитники смогут его обмануть, тем лучше. Если не смогут – ничего не потеряют. Только «Бесстрашного».

Поэтому Хонор спокойно наблюдала, как идут на нее силы Защитников. Через шестнадцать минут они проскочат мимо и отправятся дальше, оставив на пути Агрессоров ее одино-

кий крейсер.

* * *

Зеленый адмирал Себастьян Д'Орвилль нахмурился, обдумывая собственный план на борту супердредноута КЕВ «Король Рожер». Он взглянул на обзорный дисплей. При координации боев в глубоком космосе визуальные данные были бесполезны, но зрелище перед ним предстало величественное: корабли Д'Орвилля неслись на скорости семьдесят тысяч километров в секунду – чуть меньше пятидесяти семи процентов световой, – и звездное поле на экранах заметно ушло в синее смещение. Но «Король Рожер» шел между щитами импеллера, в которых локальная гравитация усиливалась с нуля до девяносто семи тысяч миль в секунду и хватала фотоны как клей, рассеивая эффект даже самого мощного энергетического оружия. Если смотреть сквозь щит, звезды уходили в красное смещение, но бортовым компьютерам, знавшим силу гравитационного поля, было легко компенсировать смещение и вернуть их обратно.

Но не все корабли могли сравняться в возможностях с боевыми. Гражданские импеллеры могли генерировать только по одной гравитационной ленте, военные же формировали клин в придачу к бортовым щитам. Вражеские сенсоры еще могли обнаружить внешние щиты, а вот внутренние сбивали их с толку, поэтому по ним, как правило, не стреляли.

– Адмирал Хемпхилл снижает скорость, сэр, – перебил мысли Д'Орвилля начштаба, получивший отчет от тактиков. – Через двадцать минут выходим на расстояние выстрела.

– Что с ее подразделением?

– Двенадцать минут назад мы перехватили их переговоры, сэр. Они на полной скорости движутся вглубь системы.

В совершенно нейтральном тоне капитана Льюиса сквозила насмешка над противником, и Д'Орвилль скрыл улыбку. Соня будет выглядеть очень бледно, когда ее погонят до самой столицы, а именно это и произойдет, если она решит противостоять им без своих дредноутов. Она должна была соединиться с ними, а не атаковать так скоро, но их отсутствие объясняло ее курс. Она бежала не к планетам, которые должна была защищать, а прямой дорогой к кораблям, которые забыла ввести в игру. Однако соблазн проигнорировать ее и отправиться прямо к цели был сильнее. Как же приятно было бы «застеклить» Мантикору, не дав Соне сделать ни выстрела! Но цель была захватить главную планету, а не провести обычный рейд. К тому же ни один тактик, достойный своего золотого аксельбанта, не упустил бы возможности разбить две трети вражеских сил, особенно если эти силы не могут двинуться, чтобы не выдать свою цель.

– Наше развертывание закончено? – спросил он.

– Да, сэр. Разведка уходит в тыл.

– Отлично.

Д'Орвилль взглянул на огромный главный тактический монитор, рефлекторно проверяя доклад Льюиса. Его крупные корабли, согласно классической линейной тактике, выстроились стеной по вертикали и по горизонтали, настолько близко, насколько позволяли щиты. Не самое маневренное построение, зато позволяющее вести плотный огонь с бортов, так как щиты, очевидно, не простреливались ни с одной стороны.

Он сверил тактические данные с хронометром. Семнадцать минут до соприкосновения.

* * *

Первые снаряды полетели в цель, стоило кораблям выйти на расстояние выстрела. Их было немного – все еще слишком далеко, чтобы попасть, да и у крупных кораблей боезапас не бесконечный, – однако достаточно, чтобы недвусмысленно продемонстрировать намерения.

«А еще достаточно, чтобы любого либерала или прогрессивиста хватил удар», – подумала Хонор, глядя в экран. Каждый из этих снарядов весил около семидесяти пяти тонн и стоил больше миллиона мантикорских долларов, даже без боеголовок и ускорителей. Никто в своем уме, конечно, не стал бы стрелять по кораблям на поражение, но флот упорно держался и отвергал предложения об отмене маневров. Да, компьютерные симуляции были бесценным опытом, офи-

церы всех родов войск из них не вылезали, но убедиться, что все работает, можно было лишь на настоящих учениях. Сколько бы такие учения ни стоили, лишь они могли научить артиллеристов вещам, недоступным в симуляции.

Но Хонор больше заботило другое: она была не лучшим математиком КФМ. Профессиональные тесты в один голос заявляли, что у нее превосходные способности к математике, но оценки в Академии этот факт опровергали. Все было так плохо, что на третьем курсе она едва не завалила многомерную алгебру. Несмотря на то что Хонор вошла в десять процентов лучших учеников по сумме баллов, конкретно в математическом рейтинге она заняла двести тридцать седьмое место из двести сорока одного.

В те времена это здорово подрывало ее уверенность в себе – даже инструкторы не могли понять, что происходит. Они знали, что Хонор имеет математические способности, профтесты говорили то же самое, количество очков на ее тактическом симуляторе в монитор не умещалось, что буквально кричало о таланте к математике. С пространственным мышлением у нее все также было в полном порядке: она могла рассчитать в уме трехмерный вектор перехвата со многими переменными (пока не начинала задумываться о том, что делает), но почему-то ни одна из этих способностей не помогала ей в прикладной математике. Единственным человеком, которого это не беспокоило, был адмирал Курвуазье – тогда еще капитан Курвуазье, – гонявший Хонор по задачкам до

седьмого пота, пока она не начала верить себе, а не оценкам. С реальными задачами по реальным маневрам она справлялась на ура, но и по сей день оставалась плохим астрогоматом: мысли о математических тестах ввергали ее в панику, и даже сейчас ее передергивало при мысли о сегодняшнем маневре.

Ей пришлось напомнить себе, что тут не надо решать задачки по гиперпространственной навигации – всего лишь четыре простых измерения, с таким бы и сэр Исаак Ньютон справился. Да и она справится, если придется. Когда проблема вставала перед ней во весь рост, она переставала беспокоиться и просто делала свое дело: адмирал Курвуазье натренировал ее доверять своим способностям, хоть они и плохо поддавались осмыслению, а сплошная череда «отлично» и «превосходно» по тактике лишала дара речи даже самых скептических преподавателей.

Увы, сегодня у нее было слишком много времени, чтобы надумать всякого, и попытка убедить себя, что единственное, о чем нужно беспокоиться, – это приближение Агрессоров (что было правдой), не особенно помогла. Так или иначе, лейтенант Веницелос, ее тактический офицер, прогнал все расчеты пять раз, лейтенант-коммандер Маккеон два раза их сверил, и сама Хонор в своей каюте раз десять перепроверила Маккеона. Она бросила взгляд на хронометр, отсчитывающий последние секунды, снова взглянула на инженерные дисплеи. Все было в порядке.

– Знаете, сэр, – пробормотал капитан Льюис, – что-то здесь не так.

– Не так? В каком смысле? – рассеянно спросил Д'Орвилль, наблюдая, как ракеты идут к линии его кораблей.

– Очень слабая контратака. – Льюис нахмурился, вглядываясь в свои данные. – И рассеянная, огонь неплотный.

– Хм? – Д'Орвилль повернулся к тактическим мониторам, и пришла его очередь хмуриться. Льюис был прав: Соня была фанаткой концентрации огня – по мнению Д'Орвилля, это была одна из ее немногих добродетелей как тактика, – и, учитывая, что численное преимущество не на ее стороне, она должна была сейчас компенсировать ее, поливая их из всех орудий, чтобы хоть как-то сравнять силы. Вот только она этого не делала.

– Ты уверен, что ее особое подразделение ушло? – спросил он после недолгих размышлений.

– Да, сэр, я тоже решил перепроверить. Мы действительно перехватили переговоры. Но что, если корабль, с которым они говорили, был один? Думаете, она завела нас в ловушку?

– Понятия не имею. – Д'Орвилль потер подбородок и нахмурился сильнее. – Это на нее не похоже, но Гримальди мог что-то сочинить... Впрочем, это и для него рискованно. Кораблям придется перейти в свободное падение на том

же базовом векторе, чтобы такое проверить, к тому же мы превосходим по силе даже все ее подразделение, вместе взятое... — Он вздохнул. — Передай тактикам готовиться к резкой смене курса на всякий случай.

— Есть, сэр.

* * *

Посреди огромного формирования Агрессоров зажглась кроваво-красным одна-единственная сигнатура, и Хонор ухмыльнулась. Она не знала, пробрались ли шпионы адмирала Д'Орвилля за систему безопасности «Бесстрашного» (разумеется, шпионаж был против правил и потому запрещен), но вот шпионы адмирала Хемпхилл в его базы данных залезли. Не глубоко, но достаточно, чтобы найти номер флагманского корабля. Это был серьезный недостаток всех флотских маневров: стороны прекрасно знали электронные сигнатуры кораблей друг друга.

Время истекало. Хонор подняла голову, взглянула на Маккеона и Веницелоса.

— Ну что ж, джентльмены...

* * *

— Сэр! Приближается неопознанное судно с...

Но предупреждение капитана Льюиса запоздало: расстояние было уже слишком мало. Д'Орвилль не успел даже развернуться к нему, как монитор состояния загорелся красным и по всему кораблю завывала сирена – ослабленное ради маневров гравикопье ударило в бортовой щит супердредноута. Его силы, конечно, было недостаточно, чтобы выжечь генератор, но компьютеры зарегистрировали удар и послушно выдали сообщение об отказе импеллеров. А вслед за копьем уже летели ослабленные энергетические торпеды и разбивались о якобы уничтоженный щит.

Адмирал выпрямился в кресле. Визуальный монитор яростно замигал вспышками торпед и потух. За ним отключились все боевые системы, и на затихшем мостике раздались еле слышные удивленные ругательства адмирала.

* * *

– Прямое попадание, мэм! – крикнул Веницелос, и Хонор позволила себе ухмылку, глядя, как торпеды разрывают агрессорский флагман. Остальные корабли нарушили формирование, пытаясь отойти на безопасное расстояние, а вот «Король Рожер» мог только дрейфовать, «мертвый», заблокированный собственными компьютерами ради симуляции полного уничтожения. И кем! Каким-то легким крейсером! Такое зрелище даже почти стоило того, чтобы побыть девочкой для битья у Хамки Хемпхилл!

Оставалось только выжить самим.

– Активировать клин! – Сопрано Хонор сделалось чуть выше, но тон был спокойнее, чем у ее тактического офицера. Инженерный отсек ответил тут же: лейтенант-коммандер Сантос уже час стояла наготове и по команде замкнула последний контур. Импеллеры «Бесстрашного» выпустили клин.

– Штурвал! Сьерра Пять!

– Есть Сьерра Пять! – отозвался рулевой, и «Бесстрашный», подпрыгнув на реактивных двигателях, крутанулся, подставляя Агрессору защищенное щитом днище. Удивленные артиллеристы противника принялись поливать огнем внезапно возникшую на дисплеях цель, но было слишком поздно: щиты легко отражали огонь.

Хонор почувствовала, как рот сам собой растягивается в широчайшей ухмылке.

– Мистер Киллиан! – Она позволила себе царственно махнуть в сторону обзорного дисплея. – Уходим! Полный вперед!

– Есть, мэм! – отозвался рулевой с такой же широкой ухмылкой, и КЕВ «Бесстрашный» рванул с места на пятистах трех g.

* * *

Призвав все пятьдесят лет самодисциплины, адмирал

Д'Орвилль смог наконец перестать ругаться. Его тактический дисплей снова включился, и, хотя каналы коммуникации остались заблокированы, чтобы не было соблазна исправить положение, он, по крайней мере, мог наблюдать, что происходит. От этого, впрочем, лучше не становилось. Легкий крейсер, «убивший» его корабль одной атакой, набирая скорость, ушел поперек вектора движения его флота. Он прошел по всему сектору стрельбы формирования, но, сколько бы крупные корабли по нему ни палили, щит все отражал – самое настоящее издевательство! Легкие корабли тоже не смогли бы догнать крейсер: для маневра нужно было сперва резко затормозить, а они не могли этого сделать на такой скорости. Д'Орвилль практически слышал триумфальное «йи-ха!» уносящегося в безопасную зону капитана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.